

22 месяца в простенке коровника. Как украинский крестьянин евреев прятал

Анисим и Христя Сулик

14 мая 2021 года в Украине впервые отмечали День памяти украинцев, спасавших евреев во время Второй мировой войны. Однако далеко не все праведники, рисковавшие жизнью ради других, известны на сегодняшний день.

Один из таких украинцев, не включенных в сонм Праведников народов мира, — крестьянин из села Куснища Ковельского района Волынской области Анисим Сулик, о котором рассказал проект «Еврейские герои» при помощи земляка Анисима — историка и краеведа Василия Васильевича Загуры.

24 июня 1941 года в волынское местечко Любомль вошли нацисты. Евреи составляли здесь подавляющее большинство населения, поляков было немного, а украинцев — раз-два и обчелся. На несколько дней штетл погрузился в полнейший хаос — центр города, рынок, улица Хелмская — сгорели дотла.

Примерно через неделю вышел приказ: всем евреям нашить на правый рукав белую полоску с голубой звездой. Вскоре новое распоряжение: все евреи от 14 до 64 лет должны явиться к зданию кинотеатра. В случае неявки — расстрел. Там всех выстроили в шеренги, из которых выхватили пятерых мужчин и без объяснений расстреляли. Это было сделано с единственной целью — запугать евреев и задушить на корню любые мысли о сопротивлении. На следующий день, 3 июля 1941 года, немцы расклеили еще одно постановление — всем евреям от 16 до 65 лет предписывалось в обязательном порядке каждое утро выходить на принудительные работы. Надзор за исполнением приказов был возложен на местную полицию, любовью к евреям не отличавшуюся.

Указ о переселении в гетто стал лишь началом конца общины. 22 июля 1941 года в местечко прибыли крытые грузовики. Полицаи под командованием гестаповцев посадили в машины молодых крепких мужчин и увезли в здание оккупационной администрации. Под издевательские насмешки и розги их заставили отдать все ценные вещи, снова прикладами затолкали в грузовики и отвезли за город к заранее выкопанным ямам. Там, рядом с городской бойней, несчастным приказали спуститься в траншеи и расстреляли из пулеметов.

Ровно через месяц прошла вторая «акция». Загоняемые прикладами в грузовики, евреи слышали крики некоторых соседей-христиан: «Это расплата за грехи ваши и отцов ваших, распявших Иисуса!»

В местечке остались одни вдовы, сироты и некоторые мужчины-специалисты, без которых не могла обойтись немецкая администрация. В сентябре 1942-го, незадолго до ликвидации гетто, к евреям начали приходить поляки и украинцы, предлагая помощь. Среди христиан было много коллаборационистов и людей, родственники которых работали на немцев. Именно среди них начали ходить слухи о полном истреблении еврейской общины. Многими «доброхотами» двигали жажда наживы и трезвый расчет: получив от евреев ценности, негодяи звали полицию, сдавая тех, кому обещали спасение.

На улице местечка, сер. 1930-х

Прекрасно понимая, что утопающий хватается за соломинку, немцы внушали евреям, что слухи не имеют под собой основания, и до окончательного решения дело не дойдет. Гебитскомиссар пообещал, что, если евреи соберут для нужд немецкой армии достаточно золота, ювелирных украшений, отрезков сукна и кожи, то власти их не только не тронут, но и будут всячески охранять.

В первый день Суккота, в дом, набитый загнанными из гетто людьми, постучал прохожий в плаще и надвинутой на лоб шляпе. Он поздоровался на идише и попросил выйти для разговора Идла-Юделя Сандельбойма. Таинственным незнакомцем оказался комендант украинской полиции Иосиф Приказюк. Не глядя на Юделя, отца троих детей, ошарашенного таким визитом, Приказюк сообщил: «Сегодня ночью гетто будет ликвидировано. Бегите!» После этих слов он еще плотнее закутался в плащ и удалился, оставив замершего от ужаса Сандельбойма посреди двора.

Фрума Сандельбойм

В ночь на 1 октября 1942 года стало ясно, что слово гебитскомиссара не стоило и ломаного гроша. Немцы и украинские полицаи окружили Любомль, готовясь к акции. Юделю Сандельбойму, его сестре Рахели Сандельбойм, и двум детям Юделя, Менделю и Рае, удалось выбраться из местечка. Жена Юделя Фрума уходить из штетла отказалась: на руках у нее был больной трехлетний сын Мойша, с которым тяжелый путь по лесам был невозможен. Юдель принял самое тяжелое решение в жизни — уйти, во имя спасения двух других детей.

Сбив ноги, продрогнув и измучившись от долгой ходьбы, беглецы пришли к украинцу, с которым накануне удалось договориться о пристанище. Но в первый же день, узнав, что творится в местечке, хозяин указал евреям на дверь. Тогда они решили идти в село Куснища, староста которого обещал когда-то укрыть Сандельбойма.

Увидев гостей, староста рассказал, что недавно у него за домом оккупанты расстреляли других беглецов — семью Эхштейнов из пяти человек, включая двоих детей. Два дня Сандельбоймы прятались у мужчины, но как только он понял, что денег у Юдея и Рахели не было, тотчас же потребовал покинуть свой дом.

Православный храм в Кусницах, 1930-е

Идти несчастным было некуда. Везде немецкие жандармы и полицаи, а местные, того и гляди, донесут на бежавших из гетто. От безысходности они пробрались в чье-то гумно и зарылись в сено. Несколько дней евреи прятались в чужом дворе, не выдавая себя ни звуком. Тайна раскрылась, когда хозяин пришел взять сноп сена и заметил в темноте перепуганные лица. В тот же самый момент в гумно зашел и староста, решивший навеститься к соседу, и сразу же стал кричать, что позовет полицаев. Тогда хозяин, человек очень верующий, шепнул Рахели: «Я открыл заднюю дверь, уходите».

Не успели евреи вылезти из сарая и скрыться за домами, как во двор к украинцу ворвались полицаи. Рахель слышала, как его принялись избивать, допытываясь, почему он не выдал евреев, да еще дал им уйти.

Кое-как добежав до соседнего леса, обессиленные взрослые и дети упали на мерзлую землю. Их положение казалось совсем безнадежным. Теперь беглецов больше всего доставал холод. Юдель решил вернуться в Куснищи, спрятаться в каком-нибудь сарае и дать детям выспаться. Так и сделали. Дождались ночи и побрели в деревню. Заметили издали коровник с неприкрытыми дверями. Стараясь не шуметь, залезли на «вышки», под крышу, где хранят сено, и заснули. Хозяина коровника звали Анисим Сулик — староста приходился ему дальним родственником.

*Хата семьи Сулик (в годы войны она была крыта соломой). Фото:
РАЙОН Любомль*

Анисим Яковлевич Сулик был из семьи коренных куснищанцев. Его прадед жил здесь еще при Речи Посполитой, в середине XVIII века. У Анисима и его жены Христи, было две дочери — Мария и Екатерина, и сын Иван.

«С нами произошло великое чудо, — позже вспоминала Рахель Сандельбойм. — У этого украинца мы прятались целых 22 месяца».

В первый же день Анисим принес Сандельбоймам бутылку воды и буханку хлеба. Для изголодавшихся беглецов из гетто это было воистину царским угощением. Сандельбоймы, уже привыкшие к тому, что бескорыстных спасителей в округе мало, спросили крестьянина, почему он им помогает. Анисим посмотрел внимательно и удивил беглецов своим ответом: «Я по ночам читаю Библию, а там написано, что часть евреев обязательно спасется».

В тайнике, оборудованном Суликом для еврейской семьи на «вышках» коровника, была кромешная темнота. Расстояние между потолком и крышей — чуть больше метра. Вся площадь убежища — не более 10 метров.

На протяжении долгих месяцев Анисиму приходилось не только остерегаться соседей и немцев, но и уговаривать жену не выгонять евреев. Христя сопереживала трагедии Сандельбоймов, но страшно боялась за жизнь собственных детей, мужа и 90-летнего отца. За укрывание беглых евреев всей семье грозил расстрел. Но глава семейства супругу не слушал и, живя впроголодь, делился последним с Сандельбоймами, принося им раз в неделю буханку хлеба и немного вареного картофеля.

На этом месте был коровник, где прятались евреи. Фото: РАЙОН Любомль

Трудно описать муки постоянного голода, жажды и холода, которые пережила еврейская семья. Взрослым было еще тяжелее, чем детям: в схроне нельзя было стоять в полный рост, только лежать или сидеть. «По утрам, — вспоминал позже Мендель Сандельбойм, — мы ходили на четвереньках, но в такой неудобной позе даже стоять на месте тяжело. Поэтому к вечеру, обессиленные и всегда голодные, просто перекатывались с места на место».

Выходить из укрытия было крайне опасно, поэтому евреи за все месяцы ни разу не смогли не то что сходить в баню, но и просто встать в полный голос. Прятаться приходилось не только от соседей и патрулей, но и от детей Анисима, ничего не знавших о евреях в своем дворе. Разболтай те на улице ровесникам — всех ждала бы смерть. На всякий случай на коровнике висел большой замок, ключ от которого был только у хозяина.

Самые тяжелые времена наступили в марте 1944-го, когда к Ковелю подошла линия фронта. Анисима угнали на работы, а сами немцы стали у него на постой. Хозяйка, и так ужасно боявшаяся за жизнь своей семьи, наотрез отказалась приносить евреям еду. Но зато уговорила немецких вояк остановиться в хате, а не в коровнике, который те присмотрели было себе под ночлег.

Сандельбоймы готовились к смерти: если даже немцы не найдут, так сами умрут от голода. Но снова произошло чудо: их спаситель улизнул с принудительных работ, примчался домой и напрямую бросился в сарай: «Чи всі живі?» За тринадцать дней голодовки беглецы так обессилели, что уже не могли говорить. Малыши — Мендель и Рая, практически не шевелились. Увидев плачевное состояние взрослых и детей, Сулик быстро ушел и принес из дома краюху хлеба и жбан кислого молока. Пока Сандельбоймы жадно поглощали еду, крестьянин рассказал, что немцы начали отходить на запад, сжигая все на своем пути.

Центр Любомля сегодня

«Вы можете потихоньку выбраться из укрытия и спрятаться на поле, во ржи, — предложил Анисим. — Обидно будет сгореть в сарае после почти двух лет битвы за жизнь». Но обессиленные, с маленькими детьми на руках, Сандельбоймы не могли идти и решили остаться в коровнике.

Все сельчане, включая Суликов, быстро собрали пожитки и ушли в окрестный лес. Вскоре на улицах завязался бой. Снаряды рвались неподалеку от укрытия, пули дырявили деревянные стены коровника. Вокруг всё заволокло черной пеленой дыма — горели соседние дома и сельская церковь. Но судьба была милостива к еврейской семье — их укрытие осталось целым и почти невредимым посреди пепелища.

Наконец, 25 июля 1944 года в Куснищу вошли советские войска. Через два дня Рахель, Юдель, Рая и Мендель, впервые за долгие месяцы «игры в прятки со смертью», вышли на белый свет. За время неподвижного сидения в укрытии у Раи начались проблемы с опорно-двигательным аппаратом, а десятилетний Мендель будто охрип — не мог нормально разговаривать, только шептал.

Горячо попрощавшись со своим спасителем и его женой, в первый воскресный день после своего чудесного освобождения евреи вернулись в родной Любомль. Часть домов местечка была разрушена до основания, от других остались лишь коробки, пугавшие чернотой выбитых окон. Не встретив ни одного соседа или знакомого, не увидев ни единого еврейского лица, Сандельбоймы занялись погребением своих родных: Йосефа — отца, убитого в октябре 1942 года, братьев Шауля и Меира, жены Меира Цейтл и их дочери.

После войны семья выехала в Польшу и позже репатриировалась в Израиль. Мендель и Рахель, Юдель и Рая до конца дней были благодарны своему спасителю.

В 1963 году Анисим Яковлевич Сулик попал в аварию по дороге из райцентра в Куснищу. Получив тяжелые увечья, он вскоре умер, так и не дождавшись звания Праведника народов мира. Спустя пять лет ушла из жизни и его супруга. Но подвиг его не был забыт, и сегодня его вспоминают и в Украине, и в Израиле, где живут потомки спасенных им евреев.

Хадашот» — в сотрудничестве с проектом «Еврейские герои».

Руководитель проекта — историк Анна Невзлин, исследователь еврейской истории.

«Еврейские герои» — это проект о личностях и поступках. Мы изучаем биографии малоизвестных героев, боровшихся за право открыто называть себя евреями и быть ими!

Для контакта с проектом вы можете обратиться на страницу [«Еврейские герои» в Facebook](#).

Проект осуществляется под эгидой фонда НАДАВ